

Ярцев Р.А. Научное познание: эпистемология добродетелей vs рациональный скептицизм. DOI 10.17506/26867206_2022_22_4_32 // Антиномии. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 32–52.

УДК 165.0

DOI 10.17506/26867206_2022_22_4_32

Научное познание: эпистемология добродетелей vs рациональный скептицизм

Рустэм Альбертович Ярцев

Уфимский университет науки и технологий (УУНиТ)

г. Уфа, Россия

E-mail: rust-66@yandex.ru

*Поступила в редакцию 05.09.2022, поступила после рецензирования 25.11.2022,
принята к публикации 26.12.2022*

Статья посвящена критическому анализу эпистемологии добродетелей как относительно нового философского направления, интерес к которому заметно возрастает. Данный анализ базируется на авторской концепции рационального скептицизма, предлагающей обоснование научного познания. В ходе решения поставленной задачи выясняется, что концепции эпистемологии добродетелей не поддерживают разделение познания на когнитивные практики и не указывают, к какой из них должен относиться тот хороший когнитивный характер, который данное направление стремится установить. Сравнение же требований этих концепций с когнитивными нормами науки выявляет нарушение таких ее принципов, как веритизм, эвиденциализм, интернализм, скептицизм и деонтологическое нормирование. При этом стандарты аретического подхода, развиваемого эпистемологией добродетелей, оказываются недостаточными для реализации научных норм, вырождаясь в тривиальную идею о том, что когнитивный успех познания обуславливается применением интеллектуальных добродетелей субъекта и является его заслугой. Применительно к науке опровергается решение проблемы ценности знания, предлагаемое эпистемологией добродетелей: показывается, что знаменитая аналогия познания с кофемашиной здесь некорректна и научная истина ни в коей мере не «поглощает» (swamp) своего обоснования. Кроме того, раскрывается, что решение проблемы Геттиера, основанное на интересубъективном определении знания, достается сторонникам аретического подхода неприемлемо высокой ценой превращения их когнитивных концепций в пустой формализм. В качестве альтернативы обсуждаются решения указанных проблем, поддерживаемые рациональным скептицизмом, которые свободны от выявленных недостатков: так, ценность научному знанию придает его обоснованность, а проблема Геттиера не возникает, если считать это знание

© Ярцев Р.А., 2022

допускающим пересмотр знанием конкретного субъекта. Основным выводом статьи является опровержение того «ценностного поворота» в познании, на необходимости которого настаивает эпистемология добродетелей.

Ключевые слова: эпистемология добродетелей, рациональный скептицизм, знание, истина, ценность, поворот, проблема Геттиера

Scientific Knowledge: Virtue Epistemology vs Rational Skepticism

Rustem A. Yartsev

Ufa University of Science and Technology

Ufa, Russia

E-mail: rust-66@yandex.ru

Received 05.09.2022, revised 25.11.2022, accepted 26.12.2022

Abstract. This article is devoted to a critical analysis of the epistemology of virtues as a relatively new philosophical trend, the interest in which is noticeably increasing. This analysis is based on the author's concept of rational skepticism, which offers a justification for scientific knowledge. In the course of solving this problem, it turns out that the concepts of the epistemology of virtues do not support the division of cognition into cognitive practices and do not indicate which of them should include the good cognitive character that this direction seeks to establish. A comparison of the requirements of these concepts with the cognitive norms of science reveals a violation of its principles such as veritism, evidentialism, internalism, skepticism and deontological rationing. At the same time, the standards of the aretic approach developed by the epistemology of virtues are insufficient for the implementation of scientific norms, degenerating into the trivial idea that the cognitive success of cognition is conditioned by the application of the intellectual virtues of the subject and is its merit. As applied to science, the solution to the problem of the value of knowledge proposed by the epistemology of virtues is refuted; it is shown that the famous analogy of cognition with a coffee machine is incorrect here, and scientific truth in no way “absorbs” (swamp) its justification. In addition, it is revealed that the solution to the Gettier problem, based on the intersubjective definition of knowledge, gets to the supporters of the aretic approach at an unacceptably high price of turning their cognitive concepts into an empty formalism. As an alternative, solutions to these problems are discussed, supported by rational skepticism, which are free from the identified shortcomings; thus, the validity of scientific knowledge gives value to its validity, and the Gettier problem does not arise if this knowledge is considered to be the knowledge of a particular subject that allows revision. The main conclusion of the article is the refutation of the “value turn” in cognition, the necessity of which the epistemology of virtues insists on.

Keywords: epistemology of virtues; rational skepticism; knowledge; truth; value; turn; Gettier problem

For citation: Yartsev R.A. Scientific Knowledge: Virtue Epistemology vs Rational Skepticism, *Antinomies*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 33-52. (in Russ.). DOI 10.17506/26867206_2022_22_4_32.

Введение. За минувшие годы в отечественной философии, судя по публикациям, заметно вырос интерес к такому достаточно новому философскому направлению, как эпистемология добродетелей. Оно привлекло и наше внимание по двум главным причинам. Во-первых, это собственные интересы в теории познания, где нами разработана концепция рационального скептицизма, наследующая идеям К. Поппера и предлагающая новые основания для науки (см.: Ярцев 2018). Во-вторых, это высокие амбиции эпистемологии добродетелей как проекта, совершающего «ценностный поворот в современной аналитической эпистемологии» (Каримов 2021: 6) и приобретающего «равноправный статус наряду с другими подходами в теории познания» (Каримов 2019: 12). Отсюда возникло желание исследовать, опираясь на положения рационального скептицизма, вопрос о том, способен ли подход эпистемологии добродетелей или аретический подход (Каримов 2019: 24) предложить адекватную теорию научного познания.

Наш ответ на данный вопрос однозначно отрицателен, и необходимые доказательства приводятся в настоящей статье. Конечно, такой ответ вряд ли устроит сторонников эпистемологии добродетелей, что с нашей стороны означает лишь готовность к продолжению дискуссии.

Теория познания и когнитивные практики. Как известно, эпистемология предполагает наличие множества когнитивных практик, каждая из которых действует согласно собственным эпистемическим нормам или стандартам. Выбрать из них какую-то одну наиболее эффективную практику невозможно, поскольку понадобится обосновывать свой выбор стандартами иной практики, превосходство которой сомнительно. Кроме того, людям недостаточно в познании всего лишь одной практики: так, решать все бытовые вопросы научным путем столь же неуместно, что и в судебном порядке, как неуместно и всегда поддерживать мнение авторитета или выдавать желаемое за действительное вне сеансов психотерапии. Из сказанного ясно, что нормы различных когнитивных практик могут противоречить друг другу и, следовательно, требовать от субъекта познания противоречивых эпистемических добродетелей. Например, догматизм, добродетельный в отношении канонических религиозных текстов, становится пороком применительно к положениям науки, всегда открытым для критики и пересмотра.

Специалисты по эпистемологии добродетелей, несомненно, отдадут себе во всем этом отчет. Однако решаемая ими задача экспликации эпистемических добродетелей и их интеграции в хороший когнитивный характер (Pritchard 2016: 45-46), благодаря которому знания субъекта будут достойны похвалы как успех, не предполагает релятивизма добродетелей к знанию когнитивных практик. При таком подходе авторам остается лишь опираться на интуицию, когда встает вопрос об исключении тех или иных «недобродетельных» свойств из «хорошего» характера: Д. Греко, например, отказывается интегрировать в такой характер способность ясновидения (Greco 2010: 153), а Л. Загзебски считает догматизм добродетельным лишь в узкой области, где он способствует истине (Zagzebski 1996: 193). На наш взгляд, этот путь по эффективности вполне сопоставим с пирроновским «поиском

золота в темноте» (Sosa 2007: 129, здесь и далее перевод наш. – Р. Я.), поэтому не стоит удивляться, что до сих пор еще нет общепринятой системы интеллектуальных добродетелей, на которой могла бы основываться альтернативная теория познания (Каримов 2019: 157).

Известен также прием устранения противоречий среди эпистемических добродетелей, который связан с нахождением меры или «золотой середины» между добродетелями, конфликтующими в той или иной ситуации (Каримов 2019: 222). Нахождение такой меры предполагает не комбинирование конфликтующих добродетелей, а нахождение баланса между ними, что возлагается на специальную добродетель более высокого уровня – мудрость (Zagzebski 1996: 221-222). Тем самым, однако, в скрытой форме поддерживается контекстуализм аретических когнитивных стандартов, который в явном виде отрицается (Zagzebski 2020: 202). А поскольку еще и мера интеллектуальных добродетелей у каждого субъекта своя (Каримов 2019: 221), то можно утверждать неспособность современной эпистемологии добродетелей предложить сколько-нибудь эффективный в практическом применении эпистемический стандарт. Допустим, однако, что подобный стандарт все же удалось получить. Какой тогда когнитивной практике будет соответствовать его применение? Если одной из известных практик, то этот факт нужно будет еще доказать нетривиальным выводом норм этой практики из предложенной системы добродетелей. Если же создается новая практика, то обосновывать придется необходимость ее введения в сравнении с уже известными практиками. И то и другое предусматривает существенную доработку, в которой нуждаются современные концепции эпистемологии добродетелей.

Теория познания и научные принципы. Теперь обратимся к критике эпистемологами добродетелей нормативных эпистемических принципов науки, одним из которых является **эвиденциализм**, или причинно-следственная доказательность научного знания. Конечно, доказывать – «это всего лишь один из многих способов приобрести знания» (Greco 2010: 60), но особенность науки в том, что субъект здесь не может получить извне готовый результат исследования, а вынужден автономно вырабатывать научное знание своей интеллектуальной активностью, от которой требуется предоставление непротиворечивых доказательств. В науке, правда, есть еще предпосылочное знание, которое может приниматься на веру, извлекаться из памяти или бессознательных восприятий (Greco 2010: 61), однако данный вид знания не считается здесь достижением. Поэтому в случае науки Д. Греко ошибается и тогда, когда выступает против эвиденциалистских теорий (Greco 2010: 11), и тогда, когда допускает возможность игнорирования контрфактических доказательств (Greco 2010: 11). Сам он, кстати, не уклоняется от полемики с оппонентами, выступая на страницах своих работ как вполне добродетельный научный субъект.

Из эвиденциализма науки вытекает ее **интернализм**: ведь если научное знание должно быть надлежащим образом обосновано познающим субъектом, то последнему также вменяется в обязанность иметь когнитивный доступ к любой обосновывающей аргументации. Позиция

интернализма придает субъективный характер всякому конкретному научному знанию, тогда как обратная точка зрения – экстернализм, согласно которому на получение знания могут влиять недоступные субъекту внешние факторы, – несовместима с эвиденциализмом науки и догматизирует научное знание, препятствуя его пересмотру. Для представителей же эпистемологии добродетелей выбор между интернализмом и экстернализмом становится проблемой с неоднозначным решением (Zagzebski 1996: 5; Pritchard 2016: 12 и др.). Например, Л. Загзебски считает возможность согласования внешних и внутренних компонент в нормативном аспекте знания достоинством аретического подхода (Zagzebski 1996: 332), а Д. Греко вообще утверждает ложность интернализма (Greco 2010: 12). Заметим в ответ, что если экстернализм и можно положить в основу той или иной когнитивной практики, то это лишь добавляет ей антинаучных особенностей.

Другой принцип науки – **скептицизм** – обусловлен невозможностью субъекта достичь абсолютно достоверной истины: ведь он не только вынужден опираться на непроверяемое предпосылочное знание, но и не в состоянии гарантировать ни полного перебора исследуемых гипотез, ни исчерпывающего анализа возможной аргументации. Отсюда ясно, что к любому научному знанию должен быть применен радикальный скептицизм, означающий сомнение в истинности и возможность пересмотра: сходный принцип действует в судопроизводстве, где закон оговаривает возможность пересмотра решений по новым или вновь открывшимся обстоятельствам. Внутри исследования, правда, такой скептицизм ограничен условием истинности явных или неявных предпосылок, которое позволяет достичь конструктивного эпистемического результата, релятивизируя его истинность. При этом важно, что субъект науки полностью свободен в выборе предпосылочного знания, если оно непротиворечиво, и для установления истины не имеет значения, какие внутренние причины побудили субъекта осуществить этот выбор. Например, если в обыденном познании человек и верит, что его тело существует в реальном мире, то для философской концепции он может считать себя «мозгом в чане», что лишь затруднит осуществление этого исследовательского проекта и снизит его популярность в случае когнитивного успеха.

Теоретики эпистемологии добродетелей, однако, в «экзистенциальном ужасе» от радикального скептицизма (Каримов 2019: 232). Л. Загзебски считает скептическую проблему тупиком для эпистемологии и призывает в исследованиях ее обходить (Zagzebski 2020: 58). Э. Соза ищет решение в рефлексивном знании (Sosa 2007: 136), которое для ученого с навыками исследования вовсе не обязательно: также и философы науки не обязаны следовать в своих построениях за И.Г. Фихте или Р. Авенариусом. В свою очередь, Д. Греко стремится преодолеть скептицизм с помощью замшелых аргументов Д. Мура и Т. Рида, апеллирующих к обыденному здравому смыслу (Greco 2010: 184), тогда как философу науки больше подобало бы опираться на профессиональный здравый смысл, ведущий к скептицизму. Безрадостный итог здесь подводит Д. Притчард: «Таким образом, нет простого ответа на проблему радикального скептицизма. Возможно, однако,

нам не следует ожидать, что это произойдет» (Pritchard 2016: 109). Мы же думаем, что пора, наконец, расстаться с предубеждением против скептицизма, вызванным деструктивной попыткой применения его ко всему познанию, а не к отдельно взятой научной практике. Ведь важный шаг уже сделан К. Поппером, обосновавшим необходимость фаллибилизма из-за недостоверности подтверждающей аргументации: избавившись же от иллюзии абсолютной достоверности опровержений, мы получим превращение фаллибилизма в полноценный радикальный скептицизм.

Однако принципом, напрямую опровергающим основы эпистемологии добродетелей, является **нормирование** научного познания, требующее от субъекта науки безусловного соблюдения когнитивных норм или правил при проведении исследования (например, нормы непротиворечивости знания), что является необходимым и достаточным условием когнитивного успеха в науке. При этом основным или базовым видом такого успеха выступает приобретение устанавливаемым знанием статуса научности, достижение которого открывает возможность иных, в большей степени выдающихся научных успехов. Следовательно, соблюдение эпистемических норм можно считать в науке базовой добродетелью хорошего когнитивного характера, а другие добродетели могут быть установлены либо путем анализа и конкретизации данных норм, либо путем анализа отвечающих им когнитивных действий субъектов: в обоих случаях ясно, что философия эпистемических добродетелей должна следовать в развитии за теорией научного познания, основанной на нормах, но не наоборот.

Итак, традиционный подход признает и наличие у субъекта науки когнитивных добродетелей, и достижение, благодаря им, когнитивного успеха в виде знания, и возникающую при этом заслугу (*англ.* credit), которая приписывается субъекту. Иначе говоря, он признает истинность всех положений, на основе которых определяют знание так называемые теории познавательной заслуги (Zagzebski 2017: 187). Но, несмотря на это, такой подход все же неприемлем для эпистемологии добродетелей, которая желает иметь в основе теории познания хороший когнитивный характер, вследствие чего ей необходимо заменить традиционно принятую здесь деонтологическую нормативность правил аретической нормативностью интеллектуальных добродетелей. В науке эта задача может быть решена только через опровержение деонтологической нормативности, что, в свою очередь, требует опоры на некоторые правила, пусть это даже единственное правило «отрицания всех правил» в «анархизме» П. Фейерабенда (Фейерабенд 2007: 30). Поэтому любая критика такого рода опровергается уже самим принципом построения когнитивных практик на правилах, чего не учитывают возражения Д. Греко (Greco 2010: 18). В данном случае его критическая позиция наследует опровергаемым нами взглядам П. Фейерабенда, хотя тот решал более простую задачу, отрицая не научную рациональность, а лишь ее универсальное значение, поскольку считал «анархизм» не самостоятельной философией, а «лекарством» в дополнение к другим философским теориям (Фейерабенд 2010: 187). Д. Греко же необходимо доказывать и несостоятельность конкурирующей теории, и фундаментальность своей. Видимо,

по этой причине он сначала утверждает ложность основанных на правилах теорий эпистемической нормативности (Greco 2010: 18), а затем, с нарушением логики рассуждений, ставит в заслугу теоретико-добродетельному подходу его согласованность как с гипотезой о том, что познание управляется правилами, так и с альтернативной гипотезой (Greco 2010: 45).

Но что же получается в результате? Устранив из своего когнитивного стандарта все познавательные нормы и правила, эпистемологи добродетелей сталкиваются с невозможностью «специфицировать в определении относительно обстоятельств» (Каримов 2019: 218) когнитивные качества субъекта: проще говоря, они не могут заменить все требования деонтологических норм адекватными им аретическими нормативными требованиями. Возникающее упрощение стандартных требований можно было бы хоть как-то возместить, сославшись на контекстуализм стандартов (Каримов 2019: 215), но не все представители эпистемологии добродетелей с этим согласны (Zagzebski 2020: 202; Greco 2010: 107), видимо, по той причине, что сразу же возникает проблема инвариантности самого аретического стандарта. В любом случае, упрощенный стандарт в его практическом применении заставляет гораздо больше полагаться на интуицию, что увеличивает риск возможной ошибки. Покажем это на примере из работы Д. Греко «Достижение знаний». Так, футболист Тед не обратил внимания на блестящую голевую передачу, но мяч все же отскочил от его головы, попав в ворота. Автор считает, что Тед не заслуживает похвалы за гол, поскольку он не был вовлечен в процесс должным образом (Greco 2010: 83). Однако применение деонтологической нормативности говорит нам об обратном: да, Тед не проявил в данной ситуации своего футбольного мастерства, но он и не нарушил правил, коснувшись мяча рукой. Поэтому с точки зрения норм игры в футбол он действовал добродетельно, и благодаря этому был достигнут заслуженный успех – гол был засчитан.

Деонтологический подход способен учитывать и условия среды, в которой фиксируются достижения, и условия, которым должен соответствовать действующий субъект. Так, если лучник не может проявить способности стрельбы при сильном ветре или магнитном поле, то правила должны фиксировать пороговые значения этих факторов, при которых соревнования переносятся в закрытое помещение или отменяются. Рассмотрим также другой известный пример. Балерина с «предельной грацией» исполнила программу, но потом мы узнаем, что она была накачана наркотиками и ее движения были лишь спотыканиями. Публика реагирует противоречиво: одни продолжают восхищаться увиденным, тогда как другие сильно разочарованы, поскольку грациозные движения балерины больше не объясняются ее искусством (Sosa 2007: 75-76). Оставив в стороне реалистичность примера, потому что речь докладчика, даже слегка «подшофе», изобилует такими «спотыканиями», которые не демонстрируют никакой «грации» мышления, допустим, что прием наркотиков никак не сказался на качестве выступления балерины. Можно ли тогда приписать ее успех способностям? Нет, если правила обязывают балерину быть трезвой во время выступления, перед которым проводится допинг-контроль. Да, если такой контроль не преду-

смотрен, а балерина безупречно выполнила свои обязанности. В последнем случае можно считать ее способность протанцевать, не выдав опьянения, своего рода удачей, которую приходится допускать, потому что выявить и побороть ее нельзя даже с помощью деонтологических норм, не говоря уже об упрощенной аретической нормативности. Поэтому соблюдение данных норм в человеческих практиках, к числу которых относится и наука, всегда строится по принципу «разрешено все, что не запрещено».

Ценность истины и веритизм. Обсудим теперь проблематику ценности научных знаний. Следуя традиционному для эпистемологии принципу веритизма, прежде всего уточним ценность научной истины как фундаментального когнитивного блага. Как и всякое благо, истина является инструментом удовлетворения конкретных потребностей человека, среди которых для нас важно выделить когнитивные потребности, связанные с желанием иметь ответ на интересующий вопрос, противопоставив их прочим, некогнитивным потребностям, связанным с иными жизненными целями. Согласно такому делению можно уже не только ввести понятия когнитивной и некогнитивной ценности истины, но также различать когнитивный и некогнитивный аспекты познания, связанные, соответственно, с установлением истины «самой по себе» и обеспечением ее ценности «за пределами эпистемического домена» (Каримов 2021:8). На автономном изучении указанных двух аспектов в науке настаивает рациональный скептицизм, поскольку это позволяет разделить строго конкретизируемые когнитивные нормы научности, направленные на установление истины «самой по себе», и нечеткие в применении организационные нормы, обеспечивающие некогнитивный ценностный отбор научного знания. Согласно нашим результатам все когнитивные нормы науки обобщаются универсальным методом, который обязателен к применению в каждом исследовании и состоит из этапов постановки вопроса, выдвижения гипотез, их проверки и обоснования ответа, скептической рефлексии над ответом (Ярцев 2018: 150).

Следует отметить, что два основных вида ценности истины не равнозначны для людей, занятых практическими делами и нуждающихся прежде всего в полезной для этих дел истине, а не в истине «самой по себе». Однако, какими бы ни были первоначальные мотивы поиска, истина не может быть получена без обращения к когнитивному аспекту познания, когда исследователь занят исключительно установлением истины «самой по себе», абстрагируясь от вопросов ее последующего использования, если эти вопросы не составляют содержания текущего исследуемого вопроса. Поэтому демаркация когнитивного аспекта и его изучение как основы научного познания очень важны для решения многих эпистемологических проблем. Например, можно наглядно продемонстрировать веритизм науки, затронув при этом вопросы философии добродетелей. Так, из некогнитивной ценности истины вытекает ее ценность «в пределах эпистемического домена», где установлению истины служат когнитивные нормы научного познания, охватываемые универсальным методом, в соответствии с которым уже могут быть конкретизированы задачи поиска норм добродетельного когнитивного характера и мотива субъекта науки. По-

добные аретические задачи могут ставиться и в организационном аспекте научного познания.

Ведущие представители эпистемологии добродетелей непоследовательны в различении когнитивных и некогнитивных познавательных ценностей. Например, Д. Притчард, с одной стороны, отрицает автономию знания и понимания относительно истины, различает познавательную и неэпистемическую ценность средств познания, а также призывает эпистемологов возвратиться к ортодоксальному веритизму прежних времен (Pritchard 2021: 22, 34). Но, с другой стороны, он неверно решает так называемую проблему «тривиальных» истин, которая состоит в том, что вытекающая из веритизма равноценность всех истин дезориентирует исследователя, побуждая его либо к поиску истин без учета ценности, либо даже к максимизации числа устанавливаемых «тривиальных» истин (Pritchard 2021: 22): вместо того, чтобы искать решение «за пределами эпистемического домена», Д. Притчард смешивает оба аспекта исследования, объясняя выбор в пользу «весомых» истин интеллектуальной добродетельностью субъекта и его мотиваций (Pritchard 2021: 31-33). Д. Греко в ответ на это резонно замечает, что понятие интеллектуально добродетельного исследователя может быть применено и для обоснования противоположной точки зрения, утверждающей плюрализм эпистемических благ (Греко 2021: 53). Еще одним примером непоследовательности может служить концепция Л. Загзебски, положения которой о внутренней ценности (самоценности) истины (Zagzebski 2020: 162), о разделении теоретических и рассуждающих причин, где первые используются для доказательства, а вторые – для внутреннего убеждения в истинности тех или иных положений (Zagzebski 2020: 246), поддерживают демаркацию двух видов ценностей познания, однако общий вывод вновь смешивает их в положении о том, что с учетом всех внутренних и внешних обстоятельств могут существовать истинные убеждения, не имеющие ценности или даже имеющие отрицательную ценность (Zagzebski 2020: 162).

Из различения двух ценностных аспектов познания сразу становится ясно, например, что когнитивная ценность обоснованной научной истины, обусловленная ответом на исследуемый вопрос, не может быть отрицательной или даже нулевой до тех пор, пока результаты исследования не опровергнуты: в отличие от нее, организационная ценность, действительно, может быть отрицательной, если предполагаемый вред от неэпистемического использования истины превышает ожидаемую полезность. Ясно также, что целью познания в когнитивном аспекте не может быть увеличение числа научных истин, поскольку каждое исследование, если не считать дочерних, вспомогательных изысканий, стремится к установлению лишь одной истины по изучаемому вопросу, и если для этого потребуется опровергнуть десяток уже известных ранее истин, то, согласно нормам науки, именно так и надлежит поступить. Наконец, скептицизм в отношении научных истин означает, что ни одна из них не является тривиальной в своей абсолютной достоверности, а допускает бесконечное продолжение исследований, например с каждым пересчетом травинки на газоне (Pritchard 2021: 30)

индуктивное обоснование устанавливаемой в когнитивном аспекте истины становится более полным, а вероятность ошибки снижается, никогда не достигая, впрочем, нулевой величины. Поэтому «весомость» или «тривиальность» истины – это внешние, некогнитивные оценки: они не имеют никакого отношения к установлению данной истины как таковой и связаны с принятым в исследовании организационным критерием сложности. И такой критерий, действительно, может быть важен для выбора задач в организационном аспекте науки, если ученый игнорирует «тривиальные» задачи, которые не сулят ему профессиональных дивидендов, или, наоборот, слишком «весомые», которые выходят за пределы его исследовательских возможностей. Заметим также, что подобный выбор не предопределен, однако, для общего случая, поскольку иногда практически более важными оказываются иные критерии: так, в примере с газоном можно представить, что кто-то заключил пари на крупную сумму денег о числе травинок.

Веритизм и трудности эпистемологии добродетелей. В отношении же плюрализма эпистемических благ науки мы будем утверждать, что возможности защиты веритизма против новаций эпистемологии добродетелей еще далеко не исчерпаны. Так, если показать ценностную связь между истиной и знанием, то понимание естественно будет представить как разновидность знания, что и делается обычно в философии науки, где оно считается пропозициональным знанием причин (Pritchard 2016: 127). Однако теоретики аретического подхода пытаются обосновать понимание как самостоятельное эпистемическое благо. Например, Д. Притчард ссылается на различие между интернализмом понимания и экстернализмом знания (Pritchard 2016: 128), благодаря которому возможны случаи обладания пониманием, но не знанием. Вот один из таких случаев. Некто Итан, обнаружив, что его дом объят пламенем, спрашивает человека в форме пожарного о причине пожара. Полученный ответ – неисправная проводка – согласуется с тем, что известно Итану о возможных причинах пожаров. Также и человек в форме действительно оказывается пожарным, компетентно установившим причину возгорания. Однако другие люди в форме около дома – это не члены пожарной команды, а участники костюмированной вечеринки: если бы Итан задал свой вопрос кому-то из них, то был бы введен в заблуждение. Читателю предлагается поверить в то, что Итан ничего не знает о причине пожара, поскольку он устанавливает этот факт по счастливой случайности, но зато понимает ее, потому что истинное убеждение было установлено правильным образом (Pritchard 2016: 130). Мы же выше указали на то, что экстернализм в принципе несовместим с научным познанием. Но если понимать овладение знанием интерналистски, то Итан может ничего не знать о причине пожара лишь от момента получения информации о вечеринке, опровергающей достоверность первоначальных сведений про неисправную проводку, и до момента частичного опровержения уже этой информации доказательствами профессионализма ответившего на вопрос лица. Очевидно, однако, что Итан не может также понимать причину возгорания своего дома на данном интервале времени, когда она еще достоверно не установлена.

В свою очередь, Л. Загзебски вообще считает понимание более высоким уровнем эпистемического состояния, чем пропозициональное знание; постижение пропозициональной структуры выступает у нее частным случаем понимания, а знание и истинная вера – формами понимания (Zagzebski 2020: 3). При этом постижение пропозициональных структур рассматривается ею как особая когнитивная деятельность, отличная от познания «дискретных» объектов в виде предложений: «Ментальное представление того, что человек понимает, скорее всего, включает в себя такие вещи, как карты, графики, диаграммы и трехмерные модели в дополнение или даже вместо принятия ряда предложений» (Zagzebski 2020: 65). Такая деятельность, по Л. Загзебски, не кодифицируется правилами (Zagzebski 2020: 67). Представляется, однако, что ее утверждения не выдерживают критики с позиций технических наук, где всевозможные структуры устанавливаются с помощью процедур системного анализа и описываются математически, то есть такими же «дискретными» предложениями, что и предложения естественных языков. Часто подобные описания дополняются альтернативными графическими средствами передачи информации, которая относится к описываемой структуре как любое научное знание к своему объекту и потому является пропозицией. Абстрактный же характер представлений о структуре не мешает субъекту считать ее частью познаваемой системы как объекта некоторой реальности, включающего другие «дискретные» части в качестве элементов состава. Удивительно, однако, что после всей аргументации Л. Загзебски в поддержку понимания мы сталкиваемся с признанием в том, что альтернативная гипотеза ею вовсе не исключается (Zagzebski 2020: 69), причем конкретного определения термина «понимание» она не предлагает (Zagzebski 2020: 75). Д. Греко при всех своих высказываниях о плюрализме эпистемических благ также считает, что на вопрос об особой эпистемической ценности понимания, которое он связывает с рефлексивным знанием, «нет хорошего ответа», а «рефлексивное знание вообще не является особым эпистемическим видом» (Greco 2010: 146). Следовательно, и понимание можно пока что не считать самостоятельным видом эпистемической ценности.

Веритизму и разделению познания на два аспекта подчинена также другая эпистемическая ценность – мудрость, понимаемая как особый практический здравый смысл, направляющий субъекта науки к профессиональному успеху. Ведь ясно, что научная деятельность не сводится к установлению истины: необходимо также предпринимать организационные действия, связанные с выбором исследовательской задачи, подготовкой необходимых материалов, опубликованием результатов и т.п. А поскольку в данном аспекте науки исследователь опирается главным образом на обыденное познание, то он нуждается в спонтанных, но эффективных решениях, которые можно отнести на счет практической мудрости в ее научной специализации. И, конечно, такую мудрость можно понимать как главную организационно-научную добродетель, управляющую применением всех добродетелей для обеспечения таких организационных норм науки, как актуальность, новизна или практическая ценность.

Лучше всего, на наш взгляд, решению этой задачи соответствует концепция мудрости Л. Загзебски, в основе которой лежит понимание интеллектуальных добродетелей как разновидности моральных, вследствие чего эпистемическая оценка оказывается формой моральной оценки, а нормативная эпистемология – разделом этики (Zagzebski 1996: 256, 258). В самом деле, ответственность ученого за нарушение норм науки носит этический характер, но в узком смысле, когда регулируются мыслительные действия. При этом вид и мера такой ответственности зависят от аспекта научной практики: если в организационном аспекте в случае обоснованного выбора эпистемического окружения субъект действительно освобождается от ответственности за ложность убеждения вследствие ошибок источника предпосылочного знания (Шевченко 2021: 209), то в когнитивном аспекте такая ответственность неизбежна и влечет за собой непризнание субъекта автором достоверного научного результата. Принципиально и то, что Л. Загзебски считает именно практическую мудрость или аристотелевский фронезис наиболее важной добродетелью (Zagzebski 2020: 106), которая служит для субъекта познания эталоном здравого смысла при вынесении когнитивных суждений, координируя применение противоречащих друг другу добродетелей в конкретной познавательной ситуации (Zagzebski 2020: 181): думается, что тем самым Л. Загзебски замещает отсутствие в аретическом подходе полноценных когнитивных стандартов. При этом если придерживаться в познании изоморфизма моральных и интеллектуальных добродетелей (Карпов 2020: 226), то теоретический аналог практической мудрости можно понимать как способность контекстного переключения субъекта на ту или иную когнитивную практику с ее стандартами. Существенным недостатком концепции Л. Загзебски видится, однако, использование в ней практического здравого смысла для решения теоретических вопросов: ведь хорошо известно, что теоретические и практические цели людей могут расходиться (Zagzebski 2020: 15), поэтому практическая мудрость в теоретической сфере рискует обернуться своей противоположностью. Что, например, является более мудрым: продолжать исследование с целью еще раз проверить и уточнить результат или же писать, наконец, диссертацию? Свое решение о взаимодействии теоретического и практического здравого смысла мы предлагаем в работе «Дуализм здравого смысла как основа научной рациональности» (Ярцев 2015).

Покажем еще, как разделение двух аспектов познания может помочь эпистемологии добродетелей в решении проблем доверия, автономии и авторитета эпистемического субъекта, по которым имеются затруднения. Так, в известных нам источниках по аретическому подходу нет однозначного ответа на вопрос о том, является ли доверие к себе и другим интеллектуальной добродетелью. А.Р. Каримов, например, отвечает утвердительно (Каримов 2019: 36), но затем все же пытается уточнить, в каком случае доверие выступает в качестве добродетели (Каримов 2019: 339). Л. Загзебски более корректна: она считает добродетелью лишь «правильное эпистемическое доверие» (Zagzebski 2020: 119), поскольку «некоторые добродетели – это усиление эпистемического доверия, а некоторые – его

ограничение» (Zagzebski 2020: 3). Таким образом, добродетельность доверия, как и многих других качеств, релятивизируется применительно к обстоятельствам их использования (Каримов 2021: 16), что лишь осложняет проблему возможности определения хорошего когнитивного характера. Роль доверия в науке проясняется, если учесть, что принцип скептицизма в качестве главной когнитивной добродетели субъекта относительно научного знания предполагает **недоверие**, а вынужденное отступление от этого принципа в исследовании позволяет временно считать порок доверия подчиненной или вспомогательной добродетелью, применение которой, за исключением требований непротиворечивости предпосылочного знания и его причинно-следственного отношения к изучаемому вопросу, никак не регламентируется когнитивным аспектом исследования. Это означает, что при определении предпосылочного знания субъект науки пользуется свободой выбора любого из промежуточных вариантов между абсолютной автономией, когда он полагается исключительно на внутренние убеждения, и полной гетерономией, когда он лишь перенимает убеждения людей из своего окружения.

Однако применение универсального метода как нормы обязывает субъекта науки к интеллектуальной автономии своего исследования даже в тех случаях любительского познания, когда он приходит к тривиальным выводам на основании внешней информации. А поскольку те или иные убеждения субъекта, влияющие на его исследования, были когда-либо заимствованы им извне, то абсолютная автономия в науке невозможна точно так же, как и полная гетерономия, иначе говоря, интеллектуальная автономия и гетерономия познания совместимы в рамках научного исследования, что поддерживает идею Л. Загзебски о том, что доверие авторитету сообщества не только совместимо с автономией индивида, но и вытекает из нее (Загзебски 2017: 106). Тем не менее мы считаем, что А.Р. Каримов ошибается, когда утверждает отсутствие противоречий между автономией и гетерономией (Каримов 2019: 296): поскольку увлечение обзором литературы в исследовании снижает эффективность самостоятельного мышления и наоборот (Ярцев 2019: 19), то каждое исследование находит свой компромисс между автономией и гетерономией, различие между которыми становится при этом вопросом степени. Мы также присоединяемся к критике, согласно которой серьезным недостатком концепции Л. Загзебски «является то, что ей не удается показать наличие существенной связи между следованием авторитету и истиной как целью, ради которой автономный эпистемический субъект формирует свое убеждение» (Гаспаров 2017: 108).

Рациональный скептицизм предлагает здесь следующие разъяснения. Хотя субъект науки и свободен от необходимости следовать каким-либо авторитетам в своем поиске истины, он использует обычно такую возможность в организационном аспекте исследования, реализуя свои когнитивные и некогнитивные цели. Первые из этих целей связаны с поиском аргументации, которую исследователь рассчитывает найти прежде всего в трудах авторитетов своей предметной области, предполагая использовать найденный материал для дальнейшего критического анализа, – авторитет

в данном случае является своеобразным маркером содержательности научных трудов. К таким целям относится и выбор общепризнанного предпосылочного знания, когда субъект обращается к авторитетным трудам, чтобы по возможности застраховать свои результаты от будущих опровержений, – авторитет здесь служит маркером надежности научных работ. Цели же второго вида связаны с желанием субъекта добиться успеха в определенной профессиональной среде, поддерживающей ту или иную систему авторитетов: субъект при этом обращается к авторитету как маркеру профессионализма, чтобы продемонстрировать существенность своих научных достижений в сравнении с его достижениями. Таким образом, авторитетные труды оказывают исследователю помощь в его начинаниях, имеющих определенную связь с истиной как целью познания. И хотя выбор данных трудов для использования в конкретном исследовании осуществляется субъектом познания добровольно, субъекты науки профессионального уровня находятся здесь под направляющим этот выбор давлением сообщества своей предметной области, обычно не требующим, впрочем, какого-либо «слепого подчинения» авторитету.

Проблема ценности научного знания. Обратимся теперь к проблеме ценности научного знания, чтобы показать, словами Л. Загзебски, что в науке «делает знание эпистемически лучше, чем просто истинная вера» (Zagzebski 2020: 4). Для ответа на этот вопрос требуется решить так называемую проблему «поглощения» (*англ.* *swamping*), состоящую в том, что ценность всякого инструментального средства исчезает или «поглощается» ценностью получаемого с его помощью фундаментального блага (Pritchard 2021: 26). Данная проблема иллюстрируется популярной аналогией, проводимой Л. Загзебски между работой кофемашины и процессом познания: «...если эспрессо хороший на вкус, то не имеет значения, идет ли он из ненадежной машины» (Zagzebski 2020: 153). Применительно к познанию это должно означать опровержение машинно-продуктовой модели знания: «Мало того, что надежность машины недостаточна для улучшения кофе в чашке; ничто в машине не делает продукт лучше. Поэтому, если знание – это истинная вера, которая чем-то улучшается, оно не может быть внешним продуктом верующего, как чашка эспрессо является внешним продуктом машины» (Zagzebski 2020: 155). Данная критика уже позволяет предлагать аретическое решение проблемы, состоящее в том, что «знание связано с познающим не как продукт с машиной, а как действие с агентом», любовь к истине и другие, в том числе некогнитивные, эвдемонические добродетельные мотивы которого добавляют истинным убеждениям ценность достойной восхищения заслуги (Zagzebski 2020: 155-164).

На наш взгляд, ценность научного знания должна быть определена прежде всего в когнитивном аспекте, где устанавливается истина «сама по себе», и должно быть также показано, какой дополнительной ценностью по сравнению с ней будет обладать знание «само по себе». Но истина может быть установлена здесь благодаря минимально необходимой, базовой добродетели, обеспечивающей соблюдение когнитивных научных норм, а также базовому мотиву, лежащему в ее основе и представляющему собой, как

мы думаем, желание знать истину по исследуемому вопросу, обладающее достаточной силой для воплощения в законченном научном исследовании. Значит, любовь к истине и прочие восхитительные качества субъектов науки могут отсутствовать как избыточные в том или ином исследовании, тем не менее приводящем к когнитивному успеху: например, достаточно относиться к исследованию как к обычной работе, чтобы получить значимый научный результат хотя бы в силу случайного стечения обстоятельств. Поэтому заслуга, о которой говорит Л. Загзебски, вовсе не является обязательным элементом научного знания «самого по себе», придающим последнему дополнительную эпистемическую ценность в сравнении с истиной. А заслуги, связанные с применением базовой когнитивной добродетели, являются типовыми для всех успешных исследователей и поэтому не способны никого восхитить или придать новую ценность полученным результатам «в эпистемическом домене».

Терпят неудачу и попытки опровержения машинно-продуктовой модели знания, вступающие в противоречие с традиционными представлениями о науке как производительной силе. Знание, разумеется, это когнитивный продукт субъекта науки, рассчитанный на внешнее применение, то есть отчуждаемый от своего производителя; потребителей же этого продукта интересует прежде всего его качество, а не мотивы или добродетели автора. Отсюда следует, что новую когнитивную ценность научному знанию может придать лишь дополняющее истину свойство самого знания, которым, как хорошо известно в науке, является обоснование этой истины. Получение обоснования предусматривается универсальным методом, обязательным к применению в качестве фундаментальной когнитивной нормы научного познания, поэтому истина в науке не существует без своего обоснования. Теоретическую ценность ей не просто добавляет, а именно придает наличие обоснования: например, утверждение теоремы ничего не значит для математики, если оно не подкреплено доказательством. Таким образом, проблема ценности научного знания решается за счет когнитивной ценности обоснования устанавливаемой научной истины.

Не решена еще, однако, проблема «поглощения»: ведь обоснование можно рассматривать и как средство достижения истины, почему же тогда оно не «поглощается» ею? Ответ на этот вопрос следует начать с критики некорректной для науки аналогии с кофемашиной, потому что в сравнении с научным знанием чашка кофе слишком примитивный продукт, свойства которого однозначны и не подлежат улучшению. Заменяем для начала чашку кофе лекарством фабричного производства: разве продуктом теперь будет вещество, которое продается в аптеке? Отнюдь. Без сведений о диагностике, противопоказаниях, дозировке, способе применения и условиях хранения лекарство может оказаться ядом для пациента. Поэтому продуктом здесь является вещество вместе с обоснованием в виде инструкции, ценность которой неотделима от ценности вещества. Другим подобным продуктом может служить судебное решение, в состав которого обязательно входит не только практически значимая резолютивная часть, но и более важная мотивировочная часть, отражающая мыслительную деятельность

судьи и исследуемая вышестоящими инстанциями при проверке законности и обоснованности судебного акта (см.: Структура судебного решения 2010). «Поглотив» мотивировочную часть, мы лишаемся возможности улучшить вынесенное судом решение, пересматривая дело либо при контроле инстанциями, либо по новым или вновь открывшимся обстоятельствам. Однако, то же самое можно сказать и об эпистемических решениях в науке: устранение обоснования научных положений лишает нас ценных когнитивных возможностей контроля и выявления ошибок, расширения, углубления аргументации и т.п., улучшающих ранее установленное научное знание путем пересмотра. Проиллюстрировать необходимость подобного улучшения конечного продукта можно и на примере кофемашины, если договориться о том, что качество эспрессо – дело вкуса каждого конкретного дегустатора, которому, кроме чашки кофе, нужно еще получить, как часть продукта, соответствующие настройки кофемашины, изменение которых позволит ему адаптировать вкус кофе к своим предпочтениям.

Завершая рассмотрение проблемы ценности научного знания, следует подчеркнуть, что рациональный скептицизм справляется и с объяснением того, почему в когнитивном аспекте науки «знания более ценны чем то, что не соответствует знанию скорее по виду, чем по степени» (Pritchard 2016: 123): истины научного знания, в отличие от истин предпосылочного знания, являются более ценными по причине обоснования, а иных истин как «промежуточных» когнитивных достижений, не являющихся случаями знания (Pritchard 2016: 122), между ними нет. По другому, однако, дело обстоит в организационном аспекте науки, где происходит качественная сортировка знания по некогнитивным критериям и могут появиться различные степени его ценности, например соответствующие шкале «любительское – профессиональное – выдающееся».

Интерсубъективность истины и проблема Геттиера. Осталось рассмотреть еще один важный недостаток аретических теорий познания, состоящий в понимании истины и, соответственно, знания как интерсубъективного блага. Данный недостаток органично сочетается с экстернализмом теорий познавательной заслуги и может быть выявлен, например, путем анализа решений проблемы Геттиера в этих теориях. Ранее мы показали, что каждый из случаев Геттиера с точки зрения научного познания представляет собой ситуацию пересмотра знаний субъекта, когда результирующий вывод сохраняется, но изменяется его обоснование (Ярцев 2021: 19-20). Так, в случае Итана данный пересмотр осуществляется дважды: сначала Итан узнает о костюмированной вечеринке и начинает сомневаться в причине возгорания, но затем он убеждается в подлинности пожарного и отменяет возникшие сомнения, возвращаясь к исходному выводу. Заметим, что оба раза причинами пересмотра послужили вновь открывшиеся Итану обстоятельства «научного дела». Рациональный скептицизм допускает подобный пересмотр, считая всякое конкретное знание в науке относительно достоверным знанием субъекта и рассматривая интерсубъективное знание лишь как недостижимый идеал. Эти положения можно представить как результат ревизии классического

определения знания, предпринятой в ответ на выводимую из проблемы Геттиера «мораль».

Однако это иного рода «мораль», чем та, о которой Л. Загзебски заключает следующее: «...либо обоснованной истинной веры (JTB) недостаточно для знания, и в этом случае знание должно иметь “дополнительный” к JTB компонент, либо обоснование должно быть переосмыслено, чтобы сделать его достаточным для знания» (Zagzebski 2020: 311). Нам же ясно, что это знание должно быть переосмыслено, чтобы сделать обоснование достаточным для него. Но такой вариант, добавляющий к истинной вере ее обоснование, конечно, не нужен для аретических концепций, которые рассматривают знание как убеждение, истинное благодаря тому, что оно сформировано добродетельно (Каримов 2021: 11).

Устранив же из знания обоснование, «поглощенное» убеждением субъекта, теоретики аретического подхода стали считать случай правильного вывода из ошибочного обоснования несовместимой со знанием удачей познающего, поскольку субъект не проявляет при этом необходимых эпистемических добродетелей. С этой «веритической удачей» (Черняк 2020: 65), следовательно, необходимо бороться, чтобы очистить знание от случаев Геттиера и тому подобных заблуждений. Но в рамках аретического подхода нет иного способа борьбы, кроме указания на недобродетельность субъекта, вследствие которой было приобретено убеждение, что при отсутствии аретических норм оставляет за аналитиком полную свободу выбора: так, Итану можно «предъявить» и неумение различать бутафорские костюмы, и невнимание к городским вечеринкам, и даже неспособность распознавать козни Злого Демона, если понимать под последним не образную фигуру экстерналистской речи, а реальную причину заблуждений Итана. Если есть информация, необходимая для пересмотра знаний субъекта, то нет сомнений в том, что сторонники аретических теорий успешно справятся с указанной задачей, доказав адекватность своего определения знания.

Проблема, однако, в том, что необходимость пересмотра знаний заранее непредсказуема. Например, как применять аретическое определение знания в тот момент, когда Итан впервые узнает о неисправной проводке? Если было бы известно, что в дальнейшем обойдется без костюмированных пожарных и иных недоразумений, то Итану можно бы было без проблем приписать достаточную для знания добродетельность. Но ни один, даже самый интеллектуальный и справедливый судья, вынося решение, не знает тех обстоятельств, которые будут позднее открыты и приведут к пересмотру дела. Следовательно, аретическое определение ни Итану, ни реальным субъектам не позволяет «вменить» получение знания, ибо любой будущий «случай Геттиера» докажет ложность такого шага. На помощь теоретикам приходят экстерналистские уловки, обязывающие различать субъективную и объективную добродетельность поступков. Так, Л. Загзебски вводит понятие «акт интеллектуальной добродетели», тем самым различая проявление добродетели и ее совершение как акта, который требуется для обладания знанием (Zagzebski 1996: 289). И, разбирая один из случаев Геттиера, она показывает, что «убеждение может демонстрировать интеллектуальную

добродетель, поскольку оно получено на основании веских доказательств... но при этом не возникает из акта интеллектуальной добродетели, потому что истина не приобретается с помощью добродетельных мотивов или процессов» (Zagzebski 1996: 289). Иными словами, есть субъективная «демонстрация» добродетелей, а есть объективный добродетельный «акт» или «процесс». Но ни один участник когнитивного процесса не может достоверно гарантировать его объективность, «выскочив» из себя как познающего субъекта, во внешний мир. Равным образом мы могли бы обусловить достижение знания другим субъективно непроверяемым требованием, например абсолютной достоверности истины, получив новое, абсолютно непригодное в реальном познании определение. Таким образом, решение проблемы Геттиера достается сторонникам аретического подхода неприемлемо высокой ценой превращения их когнитивных концепций в пустой формализм, который значим лишь «сам по себе».

Обобщая сказанное выше, приведем наш главный вывод, состоящий в том, что аретический подход к познанию непригоден для использования в качестве философии науки, потому что он:

1) нарушает такие когнитивные принципы этой практики, как веритизм, эвиденциализм, интернализм, скептицизм и деонтологическое нормирование;

2) не содержит адекватных научным собственным когнитивных норм, вырождаясь в тривиальную идею о том, что когнитивный успех познания обуславливается применением интеллектуальных добродетелей субъекта и является его заслугой;

3) не имеет приложения к реальным исследованиям, поскольку не справляется с ситуацией пересмотра научного знания, маркируемой проблемой Геттиера.

Предпочтительной альтернативой аретическому подходу является подход рационального скептицизма, который свободен от перечисленных недостатков, позволяет решить проблему ценности научного знания и проблему его пересмотра, а также не имеет выявленных «противопоказаний» в качестве основания науки.

Заключение. Результаты нашего исследования опровергают необходимость того «ценностного поворота» в познании, который современная эпистемология добродетелей якобы совершает и согласно которому эпистемологическая теория должна: 1) «придавать центральную значимость тому, каковы должны быть сами субъекты»; 2) «уточнить природу и источники эпистемической ценности»; 3) «отрицать концептуальный приоритет, который имеют дисперсные понятия [“истина”, “обоснование” и т.п.] над эпистемическими понятиями добродетели и порока» (Каримов 2019: 180). Так, если второе из приведенных требований исполнимо в условиях традиционного веритизма, то остальные отрицают веритизм, взамен лишь запутывая и без того сложные вопросы философии науки.

Мы, конечно, согласны с А.Р. Каримовым в том, что бремя доказательства такого «поворота» лежит на эпистемологии добродетелей (Каримов 2021: 19), но не обнаружили требуемых доказательств в ее источниках. А до

поступления этой информации остается непонятным оптимизм относительно перспектив рассматриваемого направления, по крайней мере, в теории научного познания, где предлагаемый «ценностный поворот», на наш взгляд, имеет реальный шанс обернуться искусно раздуваемым «мыльным пузырем».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Гаспаров И.Г. 2017. Эпистемический авторитет и автономия эпистемического субъекта // Эпистемология и философия науки. Т. 53, № 3. С. 108-122. DOI 10.5840/eps201753351.

Греко Д. 2021. Веритизм в интерпретации Д. Притчарда // Эпистемология и философия науки. Т. 58, № 4. С. 46-53. DOI 10.5840/eps202158458.

Загзевски Л. 2017. Эпистемический авторитет. Современная либеральная защита // Эпистемология и философия науки. Т. 53, № 3. С. 92-107. DOI 10.5840/eps201753350.

Каримов А.Р. 2019. Эпистемология добродетелей : науч. моногр. Санкт-Петербург : Алетейя. 428 с.

Каримов А.Р. 2021. К знанию через добродетели: об основаниях аретического подхода в эпистемологии // Эпистемология и философия науки. Т. 58, № 4. С. 6-21. DOI 10.5840/eps202158455.

Карпов К.В. 2020. Мудрость и интеллектуальные добродетели // Эпистемология и философия науки. Т. 57, № 2. С. 226-230. DOI 10.5840/eps202057232.

Структура судебного решения, 30.12.2010 / Казанский районный суд Тюменской области. URL: http://kazansky.tum.sudrf.ru/modules.php?did=13&name=press_der&or=3 (дата обращения: 29.08.2022).

Фейерабенд П. 2007. Против метода : очерк анархистской теории познания. Москва : АСТ : Хранитель. 413 с. (Philosophy).

Фейерабенд П. 2010. Наука в свободном обществе. Москва : АСТ. 378 с. (Philosophy).

Черняк А.З. 2020. Знание и удача // Эпистемология и философия науки. Т. 57, № 2. С. 61-78. DOI 10.5840/eps202057222.

Шевченко С.Ю. 2021. Расширенный разум и эпистемическая ответственность в цифровом обществе // Эпистемология и философия науки. Т. 58, № 4. С. 209-227. DOI 10.5840/eps202158470.

Ярцев Р.А. 2021. Проблема Геттиера с позиций рационального скептицизма. DOI 10.17506/26867206_2021_21_2_7 // Антиномии. Т. 21, вып. 2. С. 7-24.

Ярцев Р.А. 2015. Дуализм здравого смысла как основа научной рациональности // Аспирантский вестник Поволжья. № 3-4. С. 187-197.

Ярцев Р.А. 2018. Метод науки. Beau Bassin : LAP LAMBERT Academic Publishing RU. 205 с.

Ярцев Р.А. 2019. За журавлем или синицей (к типологии ученых) // Вестник Вятского государственного университета. № 4 (134). С. 16-24. DOI 10.25730/VSU.7606.19.050.

Greco J. 2010. Achieving Knowledge: A Virtue-Theoretic Account of Epistemic Normativity. New York : Cambridge Univ. Press. 205 p.

Pritchard D. 2016. Epistemology. 2nd ed. New York : Palgrave Macmillan. 146 p.

Pritchard D. 2021. In Defence of Veritism // Эпистемология и философия науки. Т. 58, № 4. С. 22-37. DOI 10.5840/eps202158456.

Sosa E. 2007. *Virtue Epistemology: Apt Belief and Reflective Knowledge*, Vol. 1. New York : Oxford Univ. Press. 149 p.

Zagzebski L. 1996. *Virtues of the Mind: An Inquiry into the Nature of Virtue and the Ethical Foundations of Knowledge*. New York : Cambridge Univ. Press. 365 p.

Zagzebski L. 2017. *The Lesson of Gettier // Explaining Knowledge: New Essays on the Gettier Problem* / Ed. by R. Borges, C. de Almeida, and P.D. Klein. New York : Oxford Univ. Press. P. 179-190.

Zagzebski L. 2020. *Epistemic Values: Collected Papers in Epistemology*. New York : Oxford Univ. Press. 364 p.

References

Chernyak A.Z. Knowledge and Luck, *Epistemology & Philosophy of Science*, 2020, vol. 57, no. 2, pp. 61-78. DOI 10.5840/eps202057222. (in Russ.).

Feyerabend P. *Against Method : Outline of an anarchistic theory of knowledge*, Moscow, AST, Khranitel', 2007, 413 p. (in Russ.).

Feyerabend P. *Science in a Free Society*, Moscow, AST, 2010, 378 p. (in Russ.).

Gasparov I.G. Epistemic Authority and Autonomy of the Epistemic Subject, *Epistemology & Philosophy of Science*, 2017, vol. 53, no. 3, pp. 108-122. DOI 10.5840/eps201753351. (in Russ.).

Greco J. *Achieving Knowledge: A Virtue-Theoretic Account of Epistemic Normativity*, New York, Cambridge Univ. Press. 2010. 205 p.

Greco J. Pritchard's Case for Veritism, *Epistemology & Philosophy of Science*, 2021, vol. 58, no. 4, pp. 46-53. DOI 10.5840/eps202158458. (in Russ.).

Karimov A.R. Through Virtues to Knowledge : On the Foundations of Aretaic Approach in Epistemology, *Epistemology & Philosophy of Science*, 2021, vol. 58, no. 4, pp. 6-21. DOI 10.5840/eps202158455. (in Russ.).

Karimov A.R. *Virtue Epistemology*, St. Petersburg, Aleteyya, 2019, 428 p. (in Russ.).

Karpov K.V. Is Wisdom an Epistemic Virtue? *Epistemology & Philosophy of Science*, 2020, vol. 57, no. 2, pp. 226-230. DOI 10.5840/eps202057232. (in Russ.).

Pritchard D. *Epistemology*, 2nd ed., New York, Palgrave Macmillan, 2016, 146 p.

Pritchard D. In Defence of Veritism, *Epistemology & Philosophy of Science*, 2021, vol. 58, no. 4, pp. 22-37. DOI 10.5840/eps202158456.

Shevchenko S.Yu. Extended Mind and Epistemic Responsibility in a Digital Society, *Epistemology & Philosophy of Science*, 2021, vol. 58, no. 4, pp. 209-227. DOI 10.5840/eps202158470. (in Russ.).

Sosa E. *Virtue Epistemology: Apt Belief and Reflective Knowledge. Vol. 1*, New York, Oxford Univ. Press, 2007, 149 p.

Structure of the court decision, 30.12.2010, available at: http://kazansky.tum.sudrf.ru/modules.php?did=13&name=press_dep&op=3 (accessed August 29, 2022). (in Russ.).

Yartsev R.A. For the crane or tit (to the typology of scientists), *Herald of Vyatka State University*, 2019, no. 4 (134), pp. 16-24. DOI 10.25730/VSU.7606.19.050. (in Russ.).

Yartsev R.A. *Method of Science*, Beau Bassin, LAP LAMBERT Academic Publishing RU, 2018, 205 p. (in Russ.).

Yartsev R.A. The Dualism of Common Sense as the Basis of Scientific Rationality, *Aspirantskiy Vestnik Povolzhiya*, 2015, no. 3-4, pp. 187-197. (in Russ.).

Yartsev R.A. The Gettier Problem from a Position of Rational Skepticism, *Antinomies*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 7-24. DOI 10.17506/26867206_2021_21_2_7. (in Russ.)

Zagzebski L. Epistemic Authority: Modern Liberal Defense, *Epistemology & Philosophy of Science*, 2017, vol. 53, no. 3, pp. 92-107. DOI 10.5840/eps201753350. (in Russ.).

Zagzebski L. *Epistemic Values: Collected Papers in Epistemology*, New York, Oxford Univ. Press, 2020, 364 p.

Zagzebski L. The Lesson of Gettier, R. Borges, C. de Almeida, P.D. Klein (eds.) *Explaining Knowledge: New Essays on the Gettier Problem*, New York, Oxford Univ. Press, 2017, pp. 179-190.

Zagzebski L. *Virtues of the Mind: An Inquiry into the Nature of Virtue and the Ethical Foundations of Knowledge*, New York, Cambridge Univ. Press, 1996, 365 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рустэм Альбертович Ярцев

доктор философских наук, профессор
кафедры автоматизированных систем
управления Уфимского университета
науки и технологий (УУНИТ),
г. Уфа, Россия;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8044-7480>;
SPIN-код: 1585-9373;
E-mail: rust-66@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Rustem A. Yartsev

Doctor of Philosophy, Professor of the
Department of automated control systems,
Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Russia;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8044-7480>;
SPIN-code: 1585-9373;
E-mail: rust-66@yandex.ru